

Чингиз АЙТМАТОВ:

П А Р У С П О Э З И И

Когда поэту исполняется полвека от роду, в самую пору сказать слово, ибо не нужно забывать, всему есть свое время. И ничего худого в том не было бы. Урожай повторяет урожай, когда он собран в закрома. Евгений Евтушенко, безусловно, достоин и такого отношения. Но триумфаторство никогда не было к лицу поэту, ибо если он истинный поэт — он прежде всего мыслитель, знающий цену и место слову, а слово для поэта, как бог, нельзя его все расточать, если он истинный поэт, он труженик души, постоянно страждущий, отвечающей, как боль, на все, с чем она соприкасается, а с годами поэт все больше мученик чужих тревог и собственных сомнений. Большой поэт не может быть баловнем судьбы и тем более баловнем публики, большой поэт не может быть ликующим счастливицком даже тогда, когда его знают миллионы.

Я говорю об этом потому, что творческая судьба Евгения Евтушенко была уникальна, и то, как он распорядился этой судьбой, пример тоже в высшей степени уникальный и поучительный.

Все мы помним, во всяком случае люди моего возраста, как внезапно, как сразу возник Евтушенко в литературе 50-х годов, угловатый и дерзкий юнец, осененный яростным и нежным даром, изголодавшееся дитя войны, хулиганский по виду парень, которого что-то вышвырнуло на лед литературы, и его первые шаги — головокружительные вирши, как виражи и подскоки на свержаю-

щих рифмах-коньках, сразу приковал к себе внимание, — а он все больше раскатывался, все размахистее, все ловчее выделял «коленца», и ему лихо подсвистывали и пересвистывали сверх меры, увлеченные его смелостью, аплодировали, чутко внемля и радуясь звонкому, свежему голосу, раздражались, не приемля непривычно откровенный, «расхристаный» стих, но в том гомоне и ажиотаже вокруг все больше прослушивалась музыка русской поэзии, музыка бессмертного русского слога, музыка современности, подхваченная этим юнцом с губ улицы и со страниц высокой классики. Он стал новым поэтом послевоенного поэтического поколения. Многие из этого поколения сейчас уже поседевшие или начинающие сесть мастера.

Имя его замелькало в печати и на афишах, он стал поэтом Евгением Евтушенко, и опасность заключалась в том, что он сразу стал известен и популярен почти как кинозвезда. К тому же далеко не все отнеслись к нему дружелюбно. И с тем большим рвением, а подчас вызовом молодой Евтушенко выправлял на «тычках» и ветрах паруса своей поэтической ладьи, устремляясь по волнам к переменчивому горизонту искусства, страстно желая быть еще больше услышанным и признанным, благо основания к тому были налицо. А слава ранняя натила навстречу волной в стране, где поэт больше, чем поэт, и, однако, кому неизвестно, сколько и какие кораблекрушения случались в шторм-

мах славы. И в этом никто никому не подмогал, лишь собственный ум может быть кормчим.

К чести Евтушенко, он сумел совладать с этой обманчивой стихией, он сумел различить истинное от мнимого, он сумел сохранить природное здоровье своего необыкновенного таланта, он сумел укорениться в традициях, будучи новатором, и несмотря на то, что ладья его плыла по бурным волнам жизни не всегда устойчиво, и бывало, чудил он, пытаясь прослыть одновременно и апостолом, и бунтарем, пребывая в сложнейших противоречиях духа, Евгений Евтушенко возрос в крупную фигуру, стал известным и любимым поэтом.

Это факт! И отрицать это невозможно. Я сказал возрос, вкладывая в это не только понятие постепенного поступательного движения, что, кстати, вовсе не закон в искусстве, я имел в виду одно из самых поразительных свойств евтушенковского дарования — способность к непрерывному саморазвитию, непрерывному обогащению и освоению все новых и новых сторон человеческой сущности, постоянному обновлению чувств и отношений к миру и, стало быть, содержания и форм своего творчества. Как художник Евтушенко смотрит на мир всегда с жадностью первооткрывателя, он как бы каждый раз нов, умея точно запечатлеть сложность повседневной и предощущения грядущей жизни. И как тут не вспомнить о том, что литература в одном из своих про-

явлений предназначена для задержания времени в его всеуничтожающем беге.

Великая поэзия делает наш мир вечно настоящим. А иначе чем объяснишь строки Авиценны тысячелетней давности, когда их читаешь как написанные сегодня, будто это касается тебя лично и обстоит твоим временем и смешно — даже твоих знакомых и соседей. Оттого-то Пушкин вечно юн и необходим душе нашей, ибо мы не мыслим себе гармонию сегодняшнего мира без пушкинского слова, а Гёте дорог, как никто другой, тем, что сохранил нам мудрый образ старой Европы в лучших образцах ее поэзии и философии искусства. И думается мне, что если когда-либо в далеком будущем возникнет необходимость познать нашу эпоху в стихах, то есть изнутри, через наши душевные движения и гражданственность, через наши потрясения и мгновения, запечатленные в рифмах как обрывки быстротекущей и быстроменяющейся жизни — наша слова, лица, глаза, руки, сны, мечтания, упреки и восторги — с тем, чтобы познать, как жилось-былось нам после войны, как мы ценили свой безвойный мир, что мы представляли из себя, как люди, как строители нового социалистического общества, какие заботы терзали и вдохновляли нас на этом неизведанном пути, в чем мы были велики, а в чем не очень, то наряду с наследием крупнейших представителей советской поэзии потомки неизбежно обратятся и к творчеству Евгения Евтушенко как яркому свидетельст-

ву эпохи, ибо Евтушенко художник наивысшего, он от плоти и крови нашей действительности, его поэзия выстрадана и отмечена нашим временем, и время отмечено им.

Не место в небольшом эссе вдаваться в детали евтушенковского творчества, это дело особое и не спешное. Но есть параметры поэзии, которые не обойдешь даже в такого рода слове. Гражданственность и лирика или лирика и гражданственность, суть та же, вот две несущие «конструкции», два критерия, которые были и будут высшим мерилом общезначимости поэтического искусства, включая сюда как личностные переживания, так и партийность, народность, эпичность творчества. В этом смысле Евгений Евтушенко — поэт исключительно емкий и масштабный, удивительно, что в его слоге живет улица и нечто непостижимое, нечто от небесной механики, удивительно, что в его рифмах современный человек представлен от едва слышных «шорохов души» до его глобальных космических метаний, когда он, подобно микеланджеловским фигурам, сотворяющим мир, ищет опоры жизни в высоте и на земле, когда он творец и создатель, когда он просто уставший человек... Все это есть место в поэзии мастера.

Поэзия должна быть прекрасной — в этом ее отличие! Поэзия должна быть мужественной, как воин, — в этом ее твердость! Поэзия должна быть музыкальной — в этом ее пленительность, ибо нет предела проявления-

ям человеческого духа... Об этом я думаю, когда читаю великих поэтов, и трижды бываю рад, когда обнаруживаю для себя в том созвучии своих современников, извините, что я все время говорю «для себя», но нет искусства «не для себя», ибо искусство действительно только с нами, только с живым народом... И если вдруг все сразу отвернется, то даже Джоконда леонардова перестанет быть Джокондой... Этим мне хотелось бы сказать, что только поэзия, нерасторжимо связанная с жизнью народа и приковывающая его взоры к себе, может быть полноценным искусством. Не о популярности идет речь, а о гораздо большем, хотя и менее шумливом.

Шумливая пора Евгения Евтушенко давно прошла, как сновидение, хотя и это не снимается со счета, и если бы меня спросили, кого я больше чтю — раннего или позднего Евтушенко, конечно, позднего, умудренного, в чем-то, если хотите, более трагичного, но ностальгия по ранним его вещам вдруг перхватывает горло до слез, все мы были тогда молоды, должно быть, поэтому. И вот перед нами мы видим нынешнего Евтушенко, несущего в себе опыт современно-го художника слова, поэта, в творчестве которого пульсирует нерв нашего великого времени, поэта, прошедшего к глубокому миропониманию через самоборение, через освоение национального опыта культуры от Пушкина и Некрасова до Маяковского и Твардовского, через опыт мировой литературы и искусства, в котором

мы видим влияние, пусть это прямо или косвенно, всего лучшего, что дал культуре XX век: Пикассо, Горький, Хемингуэй, Шостакович, Неруда, Эйзенштейн, Хикмет, Феллини, Луи Арагон, Томас Манн... Ибо большое искусство — это всегда искусство общечеловеческого значения...

И если верно сказанное Томасом Манном, что литературой — это есть гуманизм плюс политика, то лучшим свидетельством тому служит советская литература, а в ней, в частности, и творчество Евгения Евтушенко.

В искусстве поэта нашли свои выражения наши познания и идейные убеждения, и при этом не только то, что касается нас самих, нашего общества, наших проблем и забот, но нам дорого и то, что органично входит в природу его гуманистического творчества, нам дорого то, что он обладает способностью вбирать в себя тревоги мира и что радары его беспокойной души все время настроены, чутко прослушивая мировое пространство.

Эта способность к сопереживанию, это состояние душевного переливания крови от человека к человеку есть один из самых наивысших результатов развития современного сознания.

Главная задача современного искусства как раз и состоит в том, чтобы суметь пробудить в человеке такие чувства и мысли, когда бы мир стал предметом личной тревоги каждого из нас. В этом спасение мира от угрожающей ядерной катастрофы. В наши дни искусство становится средством борьбы за мир, и многие стихи Евтушенко обращены прямым образом к этой теме, выявляя в нем трибуна и публициста.

Евтушенко — поэт России, и в том его счастье...